

Шутов Анатолий Дмитриевич
доктор исторических наук
Shutov Anatoli Dmitrievich
Doctor of History

О ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА

ABOUT THE DICTATORSHIP OF THE PROLETARIAT

Аннотация Статья посвящена одному из спорных вопросов истории – теории и практики революционной борьбы, в том числе диктатуры пролетариата. Большое внимание уделено рассмотрению проблемы «диктатуры пролетариата» и терминов «народоправление», «народовластие».

Ключевые слова: история, СССР, Коммунистическая партия, диктатура пролетариата

Abstract This paper investigates one of the most controversial historical issues – the theory and practice of revolutionary struggle, including the dictatorship of the proletariat. Much attention is focused on the issues of “dictatorship of the proletariat” and terms “government by the people” and “people’s power”.

Keywords: History, the USSR, the Communist Party, dictatorship of the proletariat

Прошедшее столетие после свершения Октябрьской революции предоставило науке много исторического материала для осмысления теории и практики революционной борьбы, в том числе диктатуры пролетариата, других форм политической власти. В частности, выдвигаемые термины «народоправление», «народовластие» – весьма ёмкие понятия и не являются синонимами диктатуры (лат. *dictatura* – неограниченная власть), грубого и жестокого подавления инакомыслия, устранения всех критически настроенных оппонентов. Власть народа противоположна бесчеловечному капиталистическому строю и должна быть полюсом притяжения для всего народа, а не чуждым ему инструментом насилия, отталкивающей силой.

Маркс и Энгельс, опираясь на опыт революции 1848 года во Франции и Парижской Коммуны 1871 года, сформулировали в

«Критике Готской программы» (1875) глубокий вывод о необходимости слома буржуазной государственной машины как необходимого условия установления справедливого социального строя: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата» [1, С. 27].

Вывод исторически важен, но прошедшее после этого время и практика мирового развития убеждают, что слова «революционной диктатурой пролетариата», может быть, целесообразнее было заменить другим, близким по смыслу термином – «революционной властью народа». Само слово «диктатура» связано с радикальным экстремизмом, который не исключает развязывания рук аморальным кругам и лицам, а отсутствие форм, сдерживающих «революционное варварство» различных антисоциальных сил, неизбежно влившихся в революционный поток и примазавшихся к власти, открывает свободу для безнаказанного «пролетарского мародёрства». Опыт осуществления диктатуры пролетариата в период и после Октябрьской революции подтвердил ущербность и уязвимость этого термина. Революционные люмпены и ненавидевшие русский народ инородные деятели, взяв в свои руки бесконтрольную власть «диктатуры пролетариата», разграбили страну, обескровили экономику, уничтожили цвет русской нации.

Для строительства гуманного социалистического общества на принципах подлинной демократии в интересах всех трудящихся, всех граждан диктаторские методы правления экстремичны и безнравственны, делают непопулярным и сам социализм. Нужно реальное самоуправление народа – сельские общины (советы), районные, областные советы общин. На таких позициях стояли Маркс, Энгельс, Ленин. Ф.Энгельс в «Критике Эрфуртской программы» призывал социал-демократов выдвинуть требование установить полное самоуправление в провинции, округе и общине посредством всеобщего избирательного права [2, С. 240].

А при диктатуре пролетариата, которая неизбежно становится орудием подавления в руках правящей партии, насилие приобретает приоритетную форму правления. В частности, диктатура пролетариата служила инструментом уничтожения крестьянства, раскрестьянивания деревни в годы коллективизации и в результате превратилась в чуждый и даже ненавистный для народа элемент, вроде социальной нагайки.

В то же время нельзя не признать (правда, с определённой оговоркой), что на начальных этапах борьбы против беспощадной капиталистической эксплуатации, когда пролетарии составляли огромную, задавленную нуждой армию с «бесконечным» рабочим днём и мизерной зарплатой, выдвижение лозунга диктатуры пролетариата представлялось обоснованным фактором, и выдвигался он в определённой мере по пропагандистско-тактическим соображениям с целью вовлечения в революционную борьбу как можно больше пролетариев для установления их господства и уничтожения ненавистного капиталистического строя. Да и Маркс и Энгельс рассматривали диктатуру пролетариата как атрибут переходного периода и были противниками её увековечивания и вообще против преувеличения роли насилия в строительстве нового общества. Уже в 1890-е годы Энгельс вносит существенные коррективы в толкование диктатуры пролетариата, сводя её к власти рабочих, крестьян, всех других трудящихся.

В России же (и в этом её беда) толкователями сущности диктатуры пролетариата и её вершителями были в основном малограмотные большевики, понаслышке знакомые с марксизмом, умеющие разрушать, но необученные созиданию, а некоторые являлись западными спецпришельцами с антироссийскими планами. Таков Троцкий, вступивший в большевистскую партию только летом 1917 года, чтобы быть у власти и служить мировому капиталу. Для въезда в Россию сам президент США Вудро Вильсон выдал ему американский паспорт с британской транзитной визой.

Образованные, творчески мыслящие люди, учёные, способные объяснить ситуацию, определить с научных позиций пути и методы движения к социализму, преодоления сложившихся

противоречий, устранялись как вредный элемент, мешающий вершить революционные преобразования. Торжествовала воинствующая серость. К примеру, ставший руководителем Коминтерна Зиновьев имел начальное образование; Свердлов 4 класса гимназии; пронырливый русофоб-сапожник Лазарь Каганович, ставший вторым лицом в партии после Сталина, вообще не имел никакого образования и в личном деле в графе «образование» писал: самообразование, зато лично повинен в смерти сотен тысяч человек, а в 1933г. на январском Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) гневался: «Мы мало расстреливаем».

Диктатура пролетариата в понимании таких «теоретиков» фактически оказалась орудием произвола, своего рода идеологическим «оловянным солдатиком», выполняющим волю меньшинства, инструментом установления механизма жёсткой власти узкого клана большевиков над всем народом. Большевистское руководство фактически исключало возможность не только сотрудничества с другими демократическими партиями, но даже не допускало их параллельного существования, что ослабляло базу социалистической революции. Революционное верхоглядство ряда большевистских лидеров не позволяло им видеть и учитывать революционно-созидательный потенциал других, непролетарских партий, в частности, левых эсеров, создавших в декабре 1917 года свою самостоятельную партию. Их лидер М.А.Спиридонова говорила накануне Октября, что «левые эсеры смотрят на власть как большевики и думают, что единственным спасением России является переход власти к рабочим и крестьянам» [3, С. 175].

Убеждён был и Ленин в том, что «блок с левыми эсерами ... может нам дать прочную власть в России» [4, С. 266] поскольку эсеры пользовались большим влиянием в крестьянской среде, были своего рода «мужицкой совестью». А крестьяне накануне Октябрьской революции составляли подавляющее большинство населения страны. Из её 175-миллионного населения рабочих было 5 миллионов (3%), а 90 процентов составляли крестьяне. К тому же в результате Первой мировой и Гражданской войн, Октябрьской революции, красного и белого террора погибло 3 млн.

760 тыс. рабочих (пролетариев) и осталось их всего навсего 1 млн. 240 тыс. человек. Диктатура была - пролетариата не было.

Это и понятно, ведь численность и политическая зрелость пролетариата зависят от уровня развития экономики, производительных сил, зрелости буржуазии. Недостаточная развитость названных факторов в России определила и малочисленность пролетариев в составе населения, и низкий уровень их культуры и классового сознания, что свидетельствовало об отсутствии коренных предпосылок для социалистической революции и социалистических преобразований, тем более выдвижения на первый план установление диктатуры пролетариата. Правда, неимоверные бедствия российского народа, чрезвычайно острые социальные противоречия революционизировали значительные слои населения, а большевистская партия сумела организовать рабочий класс прежде всего Петрограда и Москвы, солдатские массы и захватить власть. Но для дальнейшего успеха социалистических преобразований малой кровью и без зверств «красного террора» нужно было действовать более разумно и гуманно. Анализ тогдашней ситуации, сама логика жизни подсказывали необходимость сотрудничества с непролетарскими демократическими партиями, которые способны были вести за собой крестьян, преобладающих в составе населения, а также интеллигенцию, значительную часть бывшей царской армии, казачество.

Эсеры выражали интересы крестьянства, рассматривали общину как базу крестьянского мира. Своим главным требованием провозгласили положение: «Право частной собственности на землю отменяется навсегда; земля не может быть не продаваема, ни покупаема» (Известия Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов, 19 августа 1917 года.). Этот тезис программы эсеров лёг в основу «Декрета о земле», принятым Вторым Всероссийским съездом Советов.

Учитывая высокий авторитет левых эсеров среди крестьян, Ленин был сторонником тесного сотрудничества и взаимодействия с ними. В первое советское правительство – Совет народных комиссаров (СНК) вместе с большевиками вошли семь представителей партии левых эсеров и возглавили наркоматы земле-

делия, юстиции, почт и телеграфов. Они активно участвовали в революционном преобразовании страны, пользовались большим влиянием среди крестьян. И не случайно в избранный в 1918г. Третьим Всероссийским съездом Советов ВЦИК вошли 160 большевиков и 125 левых эсеров. «Тот союз, который мы заключили с левыми социалистами-революционерами, - подчёркивал в докладе на съезде Ленин, - создан на прочной базе ... на основании двухмесячного опыта совместной работы я должен сказать определённо, что у нас по большинству вопросов вырабатывается решение единогласно» [4, С. 264].

Однако, естественно, по некоторым вопросам левые эсеры не разделяли политики большевиков, как, например, по созданию продотрядов, тотальной жестокой деятельности ЧК, хотя в массе своей рядовые члены оставались советской партией, верной идеалам революции и социализма, особенно её группа «Народ», энергично сотрудничавшая с Советской властью по целому ряду вопросов, в частности, участвовала в создании Красной Армии, мобилизовала своих членов на борьбу с Деникиным, наступавшим на Москву [5, С. 166].

Но экстремистские лидеры большевиков типа Троцкого, Свердлова и другие сторонники «красного террора» жестоко расправились не только со многими левыми эсерами, но и с другими демократическими партиями. Большевистский однопартийный экстремизм проистекал из сектантского понимания диктатуры пролетариата, отождествлявшего её исключительно с большевистской партией. Так, Зиновьев утверждал, что диктатура пролетариата возможна только как диктатура авангарда этого класса, то есть большевистской партии и рассматривал иной подход как худший вид оппортунизма. Он утверждал: «Диктатура пролетариата не мирится с допущением существования других партий», а «тот, кто стоит за диктатуру ВКП(б), тот не может терпимо относиться к идее двух партий» [6]. О доминировании этой сектантской концепции свидетельствует резолюция, принятая в 1923г. 12-м съездом ВКП(б) по докладу Зиновьева, в которой отмечалось, что «диктатура пролетариата не может осуществляться иначе, как через диктатуру компартии» [6].

Если бы Ленин был здоров и присутствовал на съезде, то подобной резолюции могло не быть. Ранее он говорил, что противопоставлять «диктатуру масс диктатуре вождей есть смехотворная нелепость и глупость», что партия пролетариата не будет заслуживать своего названия, если она не научится «связывать вождей с классом и с массами в одно целое, в нечто неразрывное» [7, С. 33]

Некоторое время спустя, с ленинских позиций против этой формулировки резолюции выступил Сталин, заявивший, что речь должна идти «не о диктатуре партии, а о диктатуре пролетариата» и что ошибочная формулировка была пущена на 12 съезде «по недосмотру» [8, С. 22].

Однако экстремистско-догматическое большинство в руководстве партии осудило позицию Сталина. Зиновьев определил её как «попытку ослабить диктатуру большевистской партии в сторону буржуазной демократии [9] и осудил «ошибочное заявление т.Сталина» в опубликованной в «Правде» (1924, №190) редакционной статье «К вопросу о диктатуре пролетариата и диктатуре партии». Предварительно состоялось совещание 25 членов ЦК – ленинцев (в том числе всех членов Политбюро), которые «громادным большинством голосов осудили принципиальную ошибку т.Сталина и одобрили статью Зиновьева» [9].

Что касается всех демократических партий трудящихся, то они были запрещены, большинство их руководителей расстреляны, а многие рядовые члены, как политически неблагонадёжные, осуждены по 58-й статье на разные сроки заключения. В результате корни социалистической демократии были обрублены, фундамент свободомыслия и прав человека разрушен, зато неизбежно легитимным утверждался кондовый тоталитаризм с теоретической слепотой руководящих догматиков, приведших КПСС к внутрипартийному гниению, вырождению «диктатуры пролетариата», так и не ставшей народной властью.

Диктатуру пролетариата, оказавшуюся в руках большей частью завозной большевистской элиты во главе с Троцким и прочими, они же пытались - и безуспешно - превратить в оружие мирового финансового капитала (Ротшильдов, Варбургов и др.)

по развалу России и разграблению её богатств (к 1924 году был изъят из Советской страны весь её золотой запас, вывезены бесчисленные и бесценные культурные богатства народа), осуществлению геноцида русского народа и других коренных народов России, чтобы преобразовать страну в концессию для иностранного капитала. Сам Троцкий стал руководителем концессионного комитета и выделил для вырубki иностранным государствам миллионы гектаров леса. Всего в России обосновалось 123 компании США, Германии, Англии, Франции. Английская компания «Лена Голдфикс» стала распоряжаться территорией от Урала до Якутска и всеми добычами полезных ископаемых (правда, Сталин в 1930г. приказал расторгнуть с ней договор) [10, С. 495].

Для врагов России диктатура пролетариата явилась своего рода «манной небесной», бесценным марксистским подарком, удобным для совершения неограниченного произвола ввиду отсутствия каких-либо сдерживающих норм. Без диктатуры пролетариата им трудно было разрушать Россию, подвергать геноциду русский народ. Развязанная гражданская война, военный коммунизм с продовольственной диктатурой, введённые Троцким концлагеря, «красный террор», организованный голод с варварским уничтожением православной церкви и священнослужителей, истребление крестьян – всё это свидетельствовало о том, что уничтожение русского народа было поставлено на поток. Под корень вырубался его наиболее активный слой, ядро генофонда, интеллектуальный потенциал (офицеры, учёные, интеллигенты, священнослужители), тягловое крестьянство. Для осуществления «диктатуры пролетариата» насаждалась готовая к исполнению любых команд прослойка тупых и малограмотных управленцев из люмпенов, завистливых низкородных комбедовцев, малых народов (шариковы, швондеры и пр.). В 1921г. численность таких управленцев составляла уже около 4 млн. человек [11, С. 24]. Ненависть и жестокость, самые низкие человеческие страсти стали рассматриваться как производные от диктатуры пролетариата.

Под лицемерными заклинаниями о диктатуре пролетариата как высшей форме социалистической демократии принимаемые

законы камуфлировали незаконные, свобода народа превратилась в формальный постулат. Тюрьмы, расстрелы по суду и без суда, ссылки внутри страны и высылки за её пределы, зажатость мысли и творчества, задерживающие развитие гражданского общества, науки, художественного творчества, социалистической цивилизации, стали доминирующим образом жизни для государства, вступившим на путь социализма.

Народ России, прежде всего крестьяне, ожидавшие от пролетарской революции социального освобождения, вдруг обнаружили, особенно в период военного коммунизма и во время коллективизации, что они никогда не были в таком бесправном положении, которое принесла им «диктатура пролетариата». Поэтому ничего, кроме горького разочарования, смешанного с ненавистью к новым порабощателям, она не вызвала у большинства народа.

Советы, как органы народовластия, так и не получили возможности управлять государством. Большевики превратили их в придаток своей диктатуры с декоративными функциями. Диктатура правящей партии означала не власть народа, а свободу произвола партийной верхушки.

Такая сектантская «диктатура пролетариата» без совета с рабочим классом создала на свой манер СССР с предпосылками распада и уже тем более вопреки воле трудящихся развалила его. Такая «диктатура пролетариата» легко отказалась от социализма, предала КПСС и заняла более половины управленческих и других тёплых мест в реанимированном капиталистическом государстве после термидорианского переворота. Так что «диктатура пролетариата» фактически превратилась в затрёпанную пропагандистскую фразу, в удобное прикрытие бесконтрольной власти верхушки КПСС. Рабочий класс оказался отодвинутым в сторону, как лишний предмет на письменном столе, мешающий удобно работать.

Но при всём при том на протяжении 70 лет существования СССР верхушка КПСС продолжала сеять иллюзии о руководящей роли рабочего класса. Даже в Конституции СССР 1977 года записано, что в Советском общенародном государстве ведущей силой выступает рабочий класс – тезис такой же декларативный,

как Статья 3-я Конституции Российской Федерации 1993 года, провозгласившей: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ».

Действительно, в партию стремились принимать прежде всего рабочих. Но иметь большинство рабочих в партии ещё не означает их руководящей роли, которая зависит не от численности, а прежде всего от их реального участия в определении политики партии и, что особенно важно, от качественного состава рабочих. Принимали же в партию не только передовых рабочих, но и всех прочих, занятых физическим трудом на заводах и фабриках, в ремонтных мастерских и автобазах, стройобъектах и промышленных артелях - людей, подчас далёких от политики и понимания внутрипартийных дел, целей и задач партии, зато удобных для манипулирования. А «неудобных» интеллектуалов – учёных, профессоров, преподавателей, когорту творческих работников, заинтересованных в развитии и совершенствовании деятельности партии, старались оставлять за её бортом и нередко выделяли вузам по одной анкете на 5 лет для приёма в партию. Партия сгнивала на корню, утрачивала интеллектуальный потенциал, становилась теоретическим и политическим импотентом. Марксизм превратился в набор священных догм, не подлежащих творческому анализу, несмотря на изменение исторической обстановки.

У некоторых современных политиков по-прежнему преобладает догматическое представление о сущности диктатуры пролетариата, стремление реанимировать и увековечить её, несмотря на то, что и по форме, и по существу она уже давно принадлежит истории. Но, очевидно, дефицит аналитического потенциала не позволяет им рассмотреть во всей противоречивой глубине сложность ситуации, увидеть, что ныне диктатура пролетариата не панацея по спасению России, а попытки реанимировать её равносильны призыву вернуться в 19 век к заре капитализма, породившего классический пролетариат. Непрерывный, развивающийся с постоянно нарастающим ускорением научно-технический прогресс в корне меняет структуру, технологический облик произ-

водительных сил. Радиоэлектроника, расщеплённый атом, освоение космических миров, следующие друг за другом всё новые и новые научные открытия формируют в сфере производства не существующие ранее отрасли, требующие наличия высококачественных специалистов с автоматизированными системами управления, а классические пролетарии становятся достоянием позапрошлого века. К тому же превращение науки в производительную силу ведёт к вытеснению человеческого труда из сферы производства, к непрерывному сокращению числа занятых. Особенно заметна эта тенденция в странах с высокими технологиями – в США, Японии, где применение роботов в сборочном производстве оказывается дешевле низкооплачиваемых китайских и индонезийских рабочих. По мнению экспертов, уже в ближайшие 20 лет до 45% рабочих мест в сфере умственного труда и более двух третей в сфере физического труда могут быть заменены роботами и различными автоматическими системами [12] - может быть, и их зачислить в ряды пролетариев?

Разумеется, это не противоречит тому, что у нас есть огромное число трудящихся, объединяющих широкие слои работающих на предприятиях, в сфере торговли, ЖКХ, науки, образования, медицины, военно-промышленного комплекса – и всё-таки желательно воздержаться от применения к ним дефиниций, связанных с пролетариатом и диктатурой пролетариата. Мёртвая мудрость не должна тяготеть над умами живых. К тому же развитие социалистической практики после Второй мировой войны породило оптимальный синоним «народная демократия» без экстремистской «диктатуры» с её массовым насилием и деформацией самого гуманного строя – социализма. В подобном направлении и надо идти, определяя стратегический проект будущего. Тем более в России в условиях введения ненормального рынка произошёл развал промышленности, претерпел структурные изменения с уклоном на сырьевой сектор рабочий класс, резко упала его численность, усилилась тенденция идеологической маргинализации. Лишь только по сравнению с 2000 годом численность работников промышленности сократилась более чем на 2 млн. человек, а за всё аморальное постсоветское 25-летие по сравнению с совет-

скими временами в 1,5 раза. Правда, около 5 млн. человек трудятся по найму в торговле, ЖКХ, бытовом обслуживании, ещё 6,5 млн. человек работают водителями и машинистами [13], но вряд ли был соблюден научный и этический подход при попытке определить их как пролетариев. Подобное надо сказать о профессорско-преподавательском составе, учёных, докторов наук, учителях, врачах, журналистах и других работниках интеллектуальной сферы, которых по сей день некоторые теоретики пытаются отнести к «пролетариям умственного труда». И провозглашать ныне задачу установления в стране диктатуры пролетариата, выдвигать рабочих от станка кандидатами в депутаты, значит, утратить почву под ногами. Да и позволительно спросить, есть ли хотя один рабочий «от станка» или крестьянин в Госдуме в качестве депутата хотя бы во фракции КПРФ. Нет таковых, а ведь даже в царской Думе существовала рабочая фракция.

Рабочий класс в современной России превратился в отступающий, выживающий класс и ждать, когда он превратится в ведущую силу, значит, потерять Россию. Ныне иные времена на дворе. Весь русский народ и все другие коренные народы, где бы они ни трудились, нуждаются в сплочении ради борьбы за конкретные социальные идеалы. Нужна реальная оппозиционная партия, которая в блоке с другими политическими организациями должна возглавить и сплотить протестное движение на базе конкретных созидательных идей и стать действенной силой по спасению России, её социалистического обустройства. Иных проектов на историческом горизонте пока не видно.

Но если хотим создать и сделать необратимой ситуацию неприятия и даже отторжения социализма и коммунизма, то, пожалуй, трудно сыскать другое, более сильное средство достижения этого, как призыв к установлению диктатуры пролетариата. Сам термин «диктатура» не придаёт привлекательности социализму. Этот термин уместен в других словосочетаниях, таких как «фашистская диктатура», «олигархическая», «буржуазно-компрадорская», «капиталистическая», «бандеро-нацистская», поскольку адекватен их сущности. Социализм же – антипод этим нечеловеческим сущностям, точно так же, как власть народа не

синоним диктатуре, и надо ли догматически цепляться за омертвевшие термины и понятия?

Да, в переходный период ради подавления беспощадного сопротивления приверженцев старого строя, их террора против создания новой жизни диктатура нужна, но строго обоснованная, диктатура по справедливости, а не без разбора, не изуверская, как это делали «красные террористы», называвшие себя «ленинской гвардией».

В современных условиях конструирование проекта по установлению диктатуры пролетариата – это донкихотство, вредная иллюзия и попытка его внедрения означала бы кровопролитие и новую гражданскую войну с её превращением в мировую трагедию.

О характере власти народа (без отталкивающего термина «диктатура» как не соответствующего новым реалиям, характеру создающегося гражданского общества) свидетельствует Донецко-Криворожская республика (1918-1919) и воссоздающаяся ныне как результат всенародной воли в виде Донецкой и Луганской народных республик под общим названием Новороссия. В основе её политической системы лежит власть народа, выраженная и закреплённая в проекте демократической конституции, соответствующей гуманистической сущности новой цивилизации. Донецкая народная республика в случае сохранения своей свободы, способна оказать влияние и на Россию, неизбежно продвинуть её социальное развитие к восстановлению социальных принципов в интересах народа. Это будет не пугающая массы «большевистская диктатура» 1930-х годов, отжившая своё время, а основанное на соблюдении социальных норм государство, на реальном самоуправлении народа с применением позитивных элементов демократических моделей ряда других стран.

Литература:

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.19	[4] Ленин В.И. Полн. Собр. Соч.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.22	Т.35
[3] Басманов М.И. и др. Сотрудничество и борьба. М., 1988	[5] Процесс эсеров. Речи защитников и обвиняемых. Вып.2

- [6] ЦПА ИМЛ, ф.495, оп.165, д.129, Л.41.
- [7] Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т.41
- [8] Сталин И.В. Об итогах XI съезда РКП(б), 1924
- [9] ЦПА ИМЛ, ф.495, оп.105, д.129, Л.44
- [10] Полторанин М. Власть в троцкистском эквиваленте. Эксмо. Алгоритм. М. 2011
- [11] Ильин Д. «Русская идея» на полигоне «демократии» // Наш современник, №3, 1991
- [12] Ларина Е., Овчинский В. Запад разжигает войну //Завтра, февраль, 2015г., №6 (1107).
- [13] Елисеев А. Куда идёт «гегемон» // Литературная газета, №49, 10-16 декабря 2014 г.